
УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-3
И 23

И.Г. Иванцов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры управления инженерно-экономического факультета, филиала Майкопского государственного технологического университета в поселке Яблоновском, тел. 8 905 476 92 07

Из истории взаимоотношений органов партийно-государственного контроля ВКП (б) с органами правопорядка в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

(Рецензирована)

Аннотация. Возникновение советской модели государственности и ее институтов, а также их последующая эволюция является одной из узловых проблем отечественной историографии, которая, несмотря на довольно длительную по времени разработку, сохраняет свою актуальность и поныне. Данная статья посвящена одному из принципиальных и все еще относительно малоисследованных аспектов советской общественно-политической и социальной истории — партийно-государственному контролю органов правопорядка.

Ключевые слова: должностное преступления, квазисудебное преследование, партийно-государственный контроль, судебно-розыскные органы, чистка.

I.G. Ivantsov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Management Department of Engineering-Economic Faculty, the Branch of Maikop State University of Technology in the settlement of Yablonovsky, ph. 8 905 476 92 07

On history of mutual relations between the party-state control bodies of All-Union Communist Party of Bolsheviks and the law and order bodies in the late 1920s through the beginning of 1930s

Abstract. The origin of the Soviet model of statehood and its institutes, as well as their subsequent evolution is one of the key problems of a domestic historiography. Despite long working out, it keeps the urgency until now. This work addresses one of the basic and still poor studied aspects of the Soviet political and social history — the party-state control of bodies of the law and order.

Keywords: official crimes, quasi-judicial prosecution, the party-state control, judicial-search bodies, cleaning.

Темы контроля органов правопорядка со стороны партийных органов частично касались многие исследователи. Можно перечислить работы В.С. Измозика [1], А.А. Данилова [2], Й. Баберовски [3], В.И. Михеева [4], В.Л. Соскина [5], И.С. Кузнецова [6] и некоторых других. Но обобщающих работ по данной проблеме, к сожалению, нет.

В данном контексте для исследователей особый интерес представляют «чистки» милиции, прокуратуры, судебных работников, процедуры и особенности проведения, а также последствия данных мероприятий.

Общий порядок «чисток» советского аппарата оговаривался «Инструкцией по проверке и чистке соваппарата», опубликованной в «Известиях ЦИК

и ВЦИК №124 от 2.02. 1929 года [7]. Лица, в отношении которых принималось то или иное постановление, делились на три категории.

По первой категории проходили «чистку» лица, оценка работы которых показывала абсолютную невозможность их исправления и безусловность вреда, наносимого их работой в советском аппарате интересам рабочего класса. Они «вычищались» без последующего права работы в соваппарате. Постановление об этом заносилось в их трудовой список (трудовую книжку) и публиковалось в печати. Они лишались права на выходное пособие, пенсию по соцстрахованию, права на пособие по безработице, подлежали снятию с учета на бирже труда (и принимались на учет как военнообязанные), не посылались на работы в советские, хозяйственные и кооперативные предприятия и организации социалистического сектора.

По второй категории проходили «чистку» лица, которых вредно было оставлять на работе в данной организации или данной местности, но которые (по мнению проверочной комиссии) могут еще исправиться и быть использованы в учреждении иного типа или в другой местности. По отношению к ним комиссия могла указывать срок действия постановления.

По третьей категории «чистили» лиц, которых нецелесообразно было использовать в дальнейшем на ответственных должностях, но которым можно было предоставить работу технического порядка в этих же или других учреждениях, предприятиях без вреда для советского государства.

Постановления комиссий о «вычищенных» по 2 и 3 категориям должны были храниться в райисполкомах и сообщаться в соответствующие (районные, городские) биржи труда (с обязательным указанием мотивов снятия с занимаемой должности).

Порядок проведения самих «чисток» имел свою специфику. Так, летом 1931 г. в Северо-Кавказском крае проводилась кадровая «чистка» милиции и угрозыска. Проводиться она была должна с некоторыми особенностями.

Поэтому краевая (КК) контрольная комиссия ВКП (б) спустила всем областным (городским, районным) контрольным комиссиям (КК) края секретное циркулярное письмо по ее проведению следующего содержания:

В областях, городах и районах для ее проведения организовывались тройки, куда вводился представитель от КК, и два других представителя были от ОГПУ и райкома (обкома, горкома) партии.

Вопрос о возможности дальнейшей работы снятых (с должности) в ходе чистки лиц должен был разрешаться краевой Контрольной комиссией — Рабоче-крестьянской инспекцией (КК-РКИ). Для этого КК, исходя из решений троек, давали свое заключение о возможности их дальнейшего использования в соваппарате.

Уволенным в ходе «чистки» из органов милиции по 1 категории выходные пособия не выплачивались. Уволенным по 2 категории предусматривалась выплата 2-х недельной компенсации или 2-х недельное предупреждение (т.е. предупреждение об увольнении за 2 недели) и компенсации за неиспользованный трудовой отпуск.

Жалобы на решения принимались районными (областными, городскими) РКИ и направлялись местным органам ОГПУ для последующей их отправки (для рассмотрения) в краевую тройку по «чистке».

Поскольку материал на членов (кандидатов) ВКП (б) предварительно обязаны были рассмотреть КК, необходимо было обеспечить их внеочередное и самое быстрое рассмотрение [8].

Интересными были взаимоотношения контрольных комиссий ВКП (б) с судебно-следственными органами. Постановление Президиума ЦКК от 23.09. 1931 г. «О взаимоотношениях КК с судебно-следственными органами» было адресовано всем районным, городским и областным КК. В нем говорилось, что сплошь и рядом не уделяют должного внимания проверке правильности и обоснованности привлечения к следствию и суду членов партии, совершенно механически исключают из пар-

тии осужденных или подследственных лишь на основе постановления о привлечении или приговора. В результате формального подхода партия иногда лишалась ценных работников, высококвалифицированных хозяйственников, организаторов, руководителей предприятий. Центральная контрольная комиссия (ЦКК) предлагала:

Требовать от органов расследования, прокуратуры, суда точного соблюдения ими требований циркуляров ЦК ВКП (б), НКЮ от 04.12. 1922 г. и ЦКК ВКП (б) от 14.11. 1927 г. об обязательном сообщении в течение 24 часов в КК данных об подследственных или арестованных коммунистах.

Не применять механические исключения на основании постановления суда.

По делам о бесхозяйственности, халатности и т.д., где не установлены элементы личной корысти, обращать особое внимание на обоснованность привлечения к уголовной ответственности, на целесообразность применения репрессий.

Ставить перед соответствующими органами ОГПУ, прокуратуры, суда вопросы об исправлении ошибок, если таковые будут выявлены в ходе разбирательств КК.

Практиковать не реже одного раза в полгода заслушивание отчетных докладов прокуроров и председателей судов по вопросам привлечения и осуждения членов ВКП (б). А также поручать одному из членов КК (минимум районного уровня) наблюдение за ходом судебно-следственных дел членов партии.

Одновременно ЦКК, несколько лицемерно, предостерегала КК на местах о недопустимости вмешательства в оперативную работу этих органов и попыток навязывания в порядке партдирективы суду и прокуратуре своих решений. Обычно виновные в преступлениях коммунисты исключались из ВКП (б) после соответствующих приговоров суда. Но в исключительных случаях, когда вина была ясна, КК разрешалось исключать виновных из партии до вынесения приговора судом [9]. Такое исключение в 1932-1933 гг.

стало широко применяться и, по существу, стало обычной практикой.

Причем Северо-Кавказская краевая КК, препровождая эти циркуляры на места, сообщала, что в практической работе не следовало руководствоваться циркуляром начальника управления милиции края от 21.10. 1931 г., который противоречил директивам ЦКК [10] (и утверждал, что органы милиции не должны подчиняться контрольным комиссиям ВКП (б), что у них есть свое вышестоящее начальство). Этим подчеркивалась доминирующая роль КК над прочими «репрессивными» органами.

Подобного рода решения усиленно проводились в жизнь. Например, на заседании президиума Краснодарской городской КК-РКИ 6 июня 1931 г. разбиралось дело начальника строительства треста «Севкавсельстроя», члена городской парторганизации — Зюзина, арестованного с санкции и по постановлению прокурора. Президиум отметил ненормальность ареста без санкции городской КК (и в нарушение инструкции ЦКК). Районному прокурору было предложено отменить свое распоряжение (что он и сделал) и в дальнейшем обязательно информировать городскую КК о подобных планах [11].

В приложении к протоколу заседания президиума Темрюкской районной КК-РКИ от 7.12.1931 г. контрольная комиссия обязывала:

Начальника (районного) отдела ОГПУ, начальника милиции, председателя нарсуда по «всем возникающим у них делам на членов и кандидатов в члены ВКП (б) сообщать устно или письменно, не позже чем через сутки в рай КК, а также сообщать обо всех принимаемых мерах к коммунистам: привлечение к следствию, обыск, арест, а также ближайшие обстоятельства и причины, вызвавшие такие меры. Причем в случае ареста партийные документы арестованных необходимо препровождать в КК, за исключением документов, являющихся предметом следствия (подделка, присвоение и проч.).

Президиум КК обязал судей 1 и 2 участков г. Темрюка после вынесения приговоров по делам членов партии, не

позже чем через 48 часов пересылать в КК копии приговоров, указывая в препроводительной записке, аппелируется ли приговоренным решение суда.

Прокурор района, начальник отдела ОГПУ и начальник РУМ (районного управления милиции) обязывались предоставлять информацию обо всех делах, переданных им на расследование, и об принятых по этим делам мерах.

Был специально выделен член президиума районной КК для наблюдения за ходом судебно-следственных дел коммунистов. Он должен был систематически информировать президиум о состоянии и ходе таких дел. Кроме того, было предложено вести обязательный учет всех уголовно-следственных дел, возбужденных в отношении коммунистов района [12].

Органы КК-РКИ (согласно нормативным актам) имели право передавать после соответствующего расследования некоторые дела в судебные органы. «НК РКИ РСФСР предоставляется право возбуждения в административном и судебном порядке преследования должностных лиц за преступления и проступки, обнаруженные в процессе работ, производимых РКИ. В указанных случаях НК РКИ обращается с предложением к судебно-розыскным органам и прокуратуре...» [13].

Таким образом, органы милиции, а также судебно-следственные органы страны находились под плотной опекой органов внутрипартийного контроля, которые зачастую вмешивались в их работу, диктовали им свои условия, вызывали должностных лиц перечисленных органов на свои заседания, отчитывали и указывали, что им делать. Так президиум КК-РКИ Тимашевского района на своем собрании 25.09.30 г. вызвал на заседание народных судей 1 и 2 участков района, начальника административного отдела, уполномоченного ОГПУ, прокурора района. Их прямо обвинили в «слабом воздействии и не принятии решительных мер по отношению к сопротивляющейся кулацко-зажиточной и антисоветской части населения в вопросах проведения госполиткампаний». В вину им также

было поставлено, что за период с 1 августа по 23 сентября 1930 г. по таким фактам противодействия ими было заведено и рассмотрено всего-навсего 25 дел [14].

На объединенном заседании президиума Северо-Кавказской краевой КК и коллегии краевой РКИ был проведен анализ данных по должностным преступлениям в колхозах края. В итоге судебно-прокурорским работникам было настоятельно «рекомендовано» не оставлять без внимания выявленные недочеты в работе либо отдельных звеньев в колхозах, либо колхозов (совхозов) в целом, порождавших те или иные преступления. Не оставлять без внимания, но, наоборот, сообщать о них в те или иные соответствующие организации, либо районные КК для принятия соответствующих мер. Районные КК обязывались впредь периодически заслушивать доклады работников юстиции, прокуроров и судей по поводу выполненной ими работы на предмет привлечения к уголовной ответственности должностных лиц совхозов и колхозов путем вызова их на свои заседания [15].

Сила и влияние органов (первоначально) внутрипартийного контроля (которые уже смело можно было назвать органами партийно-государственного контроля), распространявшаяся на многие сферы жизни этого периода, ярко характеризуются следующим примером. В апреле 1931 г. на заседании президиума КК-РКИ Усть-Лабинского района был рассмотрен вопрос «Об итогах чистки состава коллегии защитников и проверки состояния их работы». Итак, районная коллегия защитников (адвокатская коллегия) обвинялась в следующем: в период проведения хозяйственных кампаний коллегия в своей практической работе шла в разрез с их ходом. Это выражалось в «систематическом отказе и неоднократных срывах показательных процессов по кампанийским делам». А именно по делам, возбуждаемым судебно-следственными органами и прокуратурой по отношению к раскулаченным по 1 категории и лишенцам. Работа членов коллегии «проходила

в русле исключительно своих собственных интересов путем первоочередного написания ходатайств чуждому элементу с таким расчетом, чтобы получить с таковых большее вознаграждение. В то же время они старались «скомпрометировать решения суда и властей», говоря, что если они берут на себя столь большую ответственность писать тому или иному лишенцу заявления, то они считают, что местная власть лишила их (прав) неверно».

Исходя из вышеизложенного, президиум Усть-Лабинской КК постановил распустить «коллектив защитников, как аполитичных и не способных на «данном этапе соцстроительства» проводить свою практическую работу в соответствии со стоящими перед партией и правительством задачами». Двум (уже бывшим) членам коллегии Гредескулу и Винделовскому было вообще запрещено работать по специальности. Народному судье Колыхалину было предложено подобрать лучших колхозников из красных партизан и выдвинуть их на работу в обновленный коллектив защитников. Для этого временно был оставлен на работе старый член коллегии, Федоров, которого обязали давать консультацию посетителям и одновременно, в течение трех месяцев, обучить азам адвокатского дела новых выдвиженцев [16].

4 ноября 1932 г. состоялось заседание бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) с участием представителей ЦК. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани» отмечалось, что декрет от 7 августа 1932 года (печально известный закон о трех колосках) слабо применяется, и «предлагалось» краевому суду и прокуратуре рассмотреть 20 дел, а приговоры опубликовать в печа-

ти. Органы ОГПУ призывались усилить карательные меры [17].

Решения крайкома немедленно начали исполняться. В районах контрольные комиссии начали кампанию по «сокрушению сопротивления кулака и его агентуры», которая заключалась в проверке деятельности всех виновных в провале хлебозаготовок: колхозных работников, работников нарсуда, милиции и прокуратуры. Проверка показала, что делам срезавших хлебные колосья для личного употребления не придавалось политического значения, их расценивали как обычное воровство. За такую доброту многие «виновные» заплатились своей свободой. Фактически власть требовала осуществления репрессий против виновных в чем-либо перед ней в упрощенном, квазисудебном виде.

Итак, в период конца 1920-х — начала 1930-х гг. органы милиции, прокуратуры, судебское сообщество под руководством ВКП (б) и советских органов вели активную борьбу с хозяйственными преступлениями, так называемыми вредителями на транспорте, в промышленности, кооперации и органах управления, с кулачеством, которое активно выступало против принудительной коллективизации. Возбуждались дела против научно-технической интеллигенции, руководителей и специалистов производства, несогласных и сомневавшихся в целесообразности форсирования индустриализации, беспартийных и коммунистов. А партийный нажим, дискредитировавший своим вмешательством работу следственно-судебных органов, милиции и даже ОГПУ, стал уже к тому времени делом вполне обычным и даже привычным и воспринимался некоторыми слоями населения как явление необходимое, должное.

Примечания:

1. Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1921 гг. СПб., 1995.
2. Данилов А.А. История инакомыслия в России. Советский период. 1917-1991. Уфа, 1995.
3. Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. М., 2007.
4. Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х — начале 1930-х годов. // Отечественная история. 2005. №6.
5. Соскин В.Л. Об исторических корнях сталинизма как разновидности тоталитаризма // Закономерность, угроза, вызов: материалы междунар. науч. семинара. Новосибирск, 1995.

-
6. Кузнецов И.С. Генезис тоталитаризма в России. Социально-психологический аспект. Новосибирск, 1993.
 7. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 8265. Оп. 1. Д. 16.
 8. ЦДНИКК. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 22. Л. 196.
 9. ЦДНИКК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1, 1 об, 2 об.
 10. ЦДНИКК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.
 11. ЦДНИКК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.
 12. ЦДНИКК. Ф. 4387. Оп. 1 Д. 28. Л. 15.
 13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 406. Оп. 1. Д. 561. Л. 8.
 14. ЦДНИКК. Ф. 3643. Оп. 1. Д. 3. Л. 5-6.
 15. ЦДНИКК. Ф. 8485. Оп. 1. Д. 4. Л. 132 об.
 16. ЦДНИКК. Ф. 9777. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.; Д. 26. Лл. 14, 17.
 17. Пролетарский контроль. Ежемесячный иллюстрированный журнал Северокавказской краевой КК-РКИ. 1932. №10-11 (34-35). С. 4-5.

References:

1. Izmozik V.S. Eyes and ears of the regime. The state political control over the Soviet Russia population in 1918-1921. SPb., 1995.
2. Danilov A.A. The history of dissidence in Russia. The Soviet period. 1917-1991. Ufa, 1995.
3. Baberovsky J. Red terror. The history of Stalinism. M., 2007.
4. Mikheev V.I. The role of intelligence service in realization of the repressive policy of the Soviet power in the 1920s — the beginning of the 1930s // National history. 2005. №6.
5. Soskin V.L. On the historical roots of Stalinism as totalitarianism variety // Regularity, threat, challenge: materials of the international scient. seminar. Novosibirsk, 1995.
6. Kuznetsov I.S. The genesis of totalitarianism in Russia. Socio-psychological aspect. Novosibirsk, 1993.
7. TSDNIKK. (The Center of the documentation of contemporary history of Krasnodar territory). F. 8265. Op. 1. D. 16.
8. TSDNIKK. F. 8350. Op. 1. D. 22. L. 196.
9. TSDNIKK. F. 431. Op. 1. D. 11. Ll. 1, 1ob., 2 ob.
10. TSDNIKK. F. 431. Op. 1. D. 12. L. 11.
11. TSDNIKK. F. 20. Op. 1. D. 4. L. 20.
12. TSDNIKK. F. 4387. Op. 1. D. 28. L. 15.
13. GARF (the State archive of the Russian Federation). F. 406. Op. 1. D. 561. L. 8.
14. TSDNIKK. F. 3643. Op. 1. D. 3. L. 5-6.
15. TSDNIKK. F. 8485. Op. 1. D. 4. L. 132ob.
16. TSDNIKK. F. 9777. Op. 1. D. 25. L. 15.; D. 26. Ll. 14, 17.
17. Proletarian control. The monthly illustrated journal of the North Caucasian regional КК-РКИ. 1932. №10-11 (34-35). P. 4-5.